

Светлана Вахеметс

БЕЗМОЛВНЫЕ ЗЕРКАЛА

Зеркала помнят
каждую жертву.

Света Вахеметс

Безмолвные зеркала

<https://litres.ru/72953262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой граф Аарон Беркли возвращается в мрачный, забытый город Шардмур, чтобы вступить в наследство, оставленное ему после смерти матери. Он обнаруживает старинный особняк, наполненный тайнами, и письмо, в котором его мать раскрывает проклятие, преследующее их род: зеркала, которыми полон дом, требуют жертву. Оказавшись перед выбором между долгом и личной свободой, Аарон погружается в темное наследие семьи, где каждый шаг к разгадке всё сильнее затягивает его в ловушку древнего ритуала. Теперь ему предстоит решить — сможет ли он победить проклятие или станет его очередной жертвой?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Света Вахеметс

Безмолвные зеркала

«Ибо какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душу свою потеряет?» — Матфея 16:26

Пролог

Ночь была густой, как смола. Дождь моросил над крышами старого городка, стекал по гнилым ставням, превращая улицы в потоки грязи. Здесь, в этой глуши, куда недавно привёз её муж, Аделина Беркли чувствовала себя пленницей. Когда-то – дочь знатного рода, привыкшая к свету и музыке, к блеску парижских салонов. Теперь – жена в умирающем захолустье, где вместо музыки слышались кашель, скрип колёс и крики на кабацких улочках.

Муж её, Генри, ломал голову над долгами. Дела шли всё хуже. Дом ветшал, земли пустели. И каждый день Аделина чувствовала, что вместе с городом умирает и она.

В ту ночь она решилась.

Слухи ходили давние: в лесу, на окраине, жила старуха, ведунья. К ней шли те, у кого не оставалось иного выхода. Аделина шла одна, подол её платья тянулся по мокрой траве,

сердце колотилось.

Хижина стояла кривой тенью меж деревьев. Внутри пахло дымом, сушёными корнями и железом. В углу горела свеча, и возле неё сидела старуха, сухая, как корень.

– Ты пришла просить, – сказала она без приветствия. Голос был шершавым, будто старое полотно.

Аделина замерла.

– Да, – выдохнула она. – Я... я не могу жить так. Мой муж... мой дом... всё рушится.

Старуха наклонила голову.

– Ты хочешь, чтобы город снова жил. Чтобы твой род был сильным. Чтобы дом твой стоял века. Так?

Аделина стиснула пальцы.

– Да. Любой ценой.

Старуха поднялась и вынесла из темноты зеркало. Маленькое, в серебряной оправе, с ручкой, потускневшей от времени.

– Смотри. – Она подала его Аделине.

Стекло не отражало её лица. В нём клубился свет, будто сама жизнь ждала, чтобы её коснулись.

– Оно даст тебе всё, что ты хочешь. Но помни: дар без цены – пустышка.

Аделина жадно прижала зеркало к груди.

– Я согласна.

Сначала всё изменилось, как в сказке. Долги покрылись словно сами собой, земли ожили, город оживился. Генри

поднял голову, улыбка вернулась на его лицо.

Но через год зеркало заговорило. В ночи оно шептало:

– Долг пора платить.

Аделина дрожала. Она думала – золото, кровь зверя, что угодно. Но зеркало требовало иного.

– Жизнь за жизнь.

– Близкая кровь.

– Дитя.

И в одну из ночей Аделина принесла к зеркалу колыбель. Маленькая девочка, её дочь, спала, посапывая носиком. В руках Аделины дрожало то самое зеркало, в глубине которого пульсировала тьма.

Когда она коснулась стекла, ребёнок заплакал – жалобно, надрывно. А потом – стих.

Аделина кричала, царапала стекло, но было поздно. Отражение девочки исчезло, и дом наполнился тишиной, густой, как смерть.

Зеркала насытились. И с того дня проклятье вплелось в кровь Беркли.

Глава 1

Письмо о смерти матери застало Аарона лишь по возвращению из Европы. Молодой граф только вернулся, наладив важные связи для развития собственного дела, и поставок, что теперь будут обходиться в разы дешевле, нежели для конкурентов. Единственной эмоцией после прочтения, казалось бы, грустной вести, стало раздражение. Семья Беркли никогда не славилась добрыми и теплыми отношениями, скорее, никому не было дела друг до друга, родня встречалась лишь на похоронах. В юности, когда Аарона сослали подальше от фамильного особняка, в частный пансионат в Лондоне, совсем ещё юный мальчишка не мог понять, почему только он один остаётся в казённых стенах на рождественские каникулы. Немногочисленные приятели после возвращения в пансионат рассказывали о весёлом и пышном празднике, где за столом собиралась большая семья, и было принято дарить подарки. У Беркли такой традиции не было никогда. Аарон иногда ловил себя на мысли, что его родственники держатся друг от друга подальше по какой-то неочевидной, но крайне важной причине, которую он не знал, и от которой его всегда старались оберегать.

В любом случае, положения дел для графа это не меняло. Посещение похорон в ближайшие планы не входило, и он не

мог покинуть столицу прямо сейчас, поэтому письмо было небрежно закинуто в дальний ящик стола, и на время забыто. Однако, неугомонный нотариус даже не планировал останавливаться, заваливая Аарона все новыми и новыми конвертами, требуя чтобы тот безотлагательно явился в родной город. Похороны уже давно прошли, и графу даже показалось, что строчка о полном отсутствии близких людей на погребении усопшей, была написана с особым укором.

«Уважаемый сэр Аарон Беркли! Я настоятельно прошу вас, в ближайшее время, посетить нас. Это неслыханно, что спустя такое продолжительное время все ещё не озвучена последняя воля вашей матушки!»

Граф уже не скрывал раздражения, и хотел было написать ответное письмо, чтобы его уже наконец-то ставили в покое, но сэр Бенджамин Харрис, единственный друг, и по совместительству партнёр Аарона в финансовых делах, переубедил его.

– Друг мой, – Харрис раскурил трубку, и сел за стол, пуская серый дым, – съезди ты уже наконец, а то несчастный руки до крови сотрёт, написав тебе столько писем.

– Оставь свои нравоучения кому-нибудь другому, – отмахнулся Аарон, раскрывая окна. Он искренне ненавидел запах табачного дыма, а Харрис как на зло, дымил будто паровоз.

– Старушка уже в земле, Аарон, с ней не придётся разговаривать, и видеть ненавистное семейство тоже. В поместье

ведь никого не осталось? – Беркли отрицательно мотнул головой, от их рода остался лишь он один, – тогда тем более. Продай дом, и возвращайся.

– Этим может заняться кто-нибудь другой, – с раздражением бросил Аарон.

– А деньги? – Бенджамин выдохнул сизый дым прямо в лицо Аарону, – Как я помню, твоя матушка не бедствовала, и какие-то сбережения у неё явно остались. Или ты хочешь отдать дом вместе с весомым бонусом? – об этом Беркли подумать ещё не успел. В свои двадцать пять он уже добился немалых успехов развивая собственное производство, и в деньгах особо не нуждался. Однако, энная сумма лишней никогда не будет.

– Туда добираться четыре дня, – устало вздохнул Аарон глядя на закатное солнце, что дарило холодному Лондону последние крохи тепла. Впереди была зима, и граф понимал, что быстро вопрос с домом не решится, и если он не успеет вернуться в Лондон до сильных снегопадов, то в родном захолустье придётся остаться до самой весны. Но, тревожило его не только это. Какое-то внутреннее беспокойство червячком точило все сильнее и сильнее.

– И что? Туда-обратно, две недели, и ты в Лондоне, – графу ничего не оставалось, кроме как сдаться под напором приятеля, и экипаж был собран уже к следующему утру. Бесшумный кучер, лениво курил, опираясь спиной об стенку экипажа, и ожидал хозяина. Мужчина такое дальней поездке

был совершенно не рад, но увидев ещё более хмурого, чем он сам, Аарона, предусмотрительно промолчал.

– Прикажете оправляться, господин? – поинтересовался кучер, и Аарон нехотя кивнул.

Шардмур встретил его как забытый сон, как воспоминание, которое он надеялся никогда не возвращать. Когда карета медленно приближалась к городским воротам, в сердце Аарона разлилось странное чувство. Проклятие города, о котором Аарон слышал из детских историй, было едва заметным, но ощущалось в воздухе – тяжёлое, липкое, как старый плед, покрытый пылью и паутиной. В детстве ему часто рассказывали страшные истории о Шардмуре, но тогда это казалось лишь детскими сказками. Теперь же всё это выглядело слишком реальным.

Дорога до Шардмура заняла четыре дня, и каждый из этих дней словно был испытанием. Карета медленно катилась по размокшим дорогам, иногда погружаясь в глубокую грязь, так что колёса скрипели и лошади напрягались от усилий. Бесконечные холмы и леса, которые он проезжал, казались одинаковыми – тусклые, будто выцветшие, как старинные гравюры. Аарон большую часть пути сидел молча, глядя в окно на бесконечные деревья, которые медленно текли мимо, как тени прошлого.

Ночью карета останавливалась в небольших постоянных дворах, и эти остановки лишь усиливали его чувство оторванности от мира. Он ел невкусную, грубую еду, спал в по-

стелях, которые скрипели под ним, и каждый вечер засыпал с мыслью, что на следующее утро ему снова предстоит вглядываться в ту же серую и однообразную дорогу. Иногда ему казалось, что время остановилось, и что этот путь не закончится никогда. Шардмур, с его гнетущей аурой, с каждым днём казался всё ближе и неизбежнее, как рок, от которого не уйти.

Карета въехала в черту города, и Аарон, вместо того чтобы направить её прямо к особняку, неожиданно для себя сказал кучеру:

– Остановись у кладбища.

Тот бросил на хозяина быстрый взгляд, но повиновался. Лошади нехотя свернули на узкую, поросшую бурьяном дорогу. Железные ворота кладбища скрипнули, будто приветствуя незваного гостя.

Аарон вышел. Сырой ветер пах землёй и тлением. Он быстро нашёл свежую насыпь, где простая каменная плита уже темнела от влаги. Никаких пышных украшений, лишь имя и годы жизни – как будто мать и после смерти сохранила своё молчание.

На могиле лежали цветы. Свежие, красные, слишком яркие для этого серого пейзажа.

Он нахмурился. Кто их положил? Вряд ли горожане: у матери было мало друзей, а соседей она не жаловала. Да и сам он не помнил, чтобы возле их семьи когда-либо задерживалось чье-то тепло. Значит, кто-то из слуг?

Мысль уколола неожиданной тоской.

Позади послышался тихий звук шагов. Двое прохожих, завидев его у ограды, ускорили шаг. Никто не остановился, никто не произнёс слова. Только короткий, почти незаметный взгляд – и спешное отведение глаз.

Аарон провёл ладонью по камню, словно прощаясь, и вернулся в карету.

– Через центр, – коротко бросил он кучеру. – Хочу взглянуть на город.

Аарон покинул Шардмур ещё ребёнком, и его воспоминания о доме были смутными и размытыми. Воспитание в Лондоне сделало его чужаком в этом месте, и теперь, когда он возвращался спустя столько лет, город казался не только чужим, но и враждебным. Как будто Шардмур знал, что его забыли, и не собирался это прощать.

Колёса загрохотали по булыжникам. Шардмур встречал его молчанием. Лавки закрыты, ставни на окнах наглухо заколочены, фонарь у перекрёстка погас и давно не зажигался. Редкие фигуры прохожих двигались торопливо, будто стремились как можно скорее покинуть улицу.

Аарон смотрел в окно и с каждым поворотом улиц ощущал, как в груди нарастает тяжесть. В памяти всплывали картинки из детства: ярмарка у фонтана, звонкий смех детей, шумные голоса торговцев. Теперь же у фонтана плескалась зелёная ряска, а вода стояла мёртвой и мутной.

Вдруг он заметил девочку лет шести. Она держала в руках

красный цветок и, завидев его, шагнула ближе к карете. Её мать дёрнула за руку и, прижимая ребёнка к себе, поспешно увела прочь. Цветок упал в грязь, и лошадь едва не наступила на него копытом.

Аарон отвернулся.

Город будто выдохся, будто жил последние силы. И всё же – каждый встречный взгляд, каждая склонённая голова говорили о том, что его возвращение не прошло незамеченным.

Когда экипаж остановился у старого особняка, он уже знал: Шардмур ждал его. Хотел он того или нет.

Дом его матери – теперь его дом – возвышался как молчаливый свидетель всех утрат, которые пережили Беркли. Каждое окно было словно мёртвый глаз, пустой и угрюмый. Он вышел из кареты, ощущая, как ноги с трудом касаются земли. Тишина, обволакивающая город, лишь усиливала его беспокойство. Густой туман начал подниматься, окутывая всё вокруг, и с каждым вдохом Аарон ощущал, как воспоминания о прошлом, которые он так старательно пытался забыть, возвращаются.

Он нерешительно замер перед массивной дубовой дверью. Ключ, что долгие годы покоился на дне сумки сейчас неприятно холодил пальцы, ещё сильнее нагоняя тоску. Аарон простоял так с минуту, не решаясь вставить ключ в замок, будто за этой дверью был не пустой дом, а склад воспоминаний, что всеми силами рвались наружу. Наконец, с едва слышным щелчком, дверь поддалась впуская нового хо-

зяина в его владения.

Внутри было холодно, как в склепе, и воздух отдавал затхлостью, словно дом не видел жизни уже много лет. Аарон сделал нерешительный шаг внутрь, и звук его шагов гулко разнёсся по пустым залам. Глаза привыкали к полумраку. В доме не было ничего, что он помнил, кроме вездесущих зеркал. Они, будто совершенно новые, блестели своими позолоченными рамами и натёртым стеклом. Молодой граф неуютно поёжился, ему показалось, что из зеркал за ним наблюдают, но наваждение развеялось, когда он услышал тихие, шуршащие шаги, и вскоре перед ним появился дворецкий. Пожилой мужчина, сгорбленный временем, но все ещё облаченный в строгий тёмный костюм. Его лицо было неизменно холодным, безэмоциональным, словно он не испытывал радости от возвращения своего господина.

– Граф Беркли, – произнёс он ровно, склоняя голову.

Аарон остановился на пороге, оглядел холл. Всё казалось незнакомым, будто он вошёл не в дом, а в декорацию чужого сна.

– Не думал, что вы ещё здесь.

– Мне было велено оставаться, – спокойно ответил Бернад. – Дом ожидал распоряжений.

Аарон медленно прошёлся взглядом по стенам, потолку, лестнице. Всё хранило следы прошлого, но не его.

– Здесь ничего не изменилось. Даже воздух застоялся.

– Как и велела госпожа, мы ничего не трогали.

Он кивнул, будто отрезая разговор.

– Комната готова? – Аарон надеялся, что письмо успело прийти, и слуги знали о его возвращении, заранее подготовившись.

– Как и весь дом, сэр.

– Уберите пыль. И разожгите камин. Здесь холодно, как в склепе.

Бернард склонил голову в знак согласия, не сказав ни слова. Аарон поднялся по лестнице, чувствуя, как за его спиной сгущается старая, несказанная тишина.

Графу потребовалось время чтобы вспомнить планировку дома, и когда он наконец нашёл хозяйскую спальню, долго не решался войти. В детстве ему никогда не позволялось посещать эту часть дома, и казалось что если он сейчас нарушит запрет, его постигнет неминуемое наказание. Только вот, наказывать уже было некому.

Аарон толкнул дверь, ожидая увидеть в спальне такое же запустение, как и в остальном доме, но к его удивлению комната была полностью убрана. Он прошёлся, разглядывая интерьер, который не видел очень много лет. Мебели в просторной комнате, на удивление, было немного. Большая кровать, накрытая плотным, бархатным покрывалом, массивный шкаф и снова зеркало. Граф с недоверием взглянул на него. Старое зеркало обрамляла изящная рама с резьбой, которая когда-то сверкала золотом, но теперь она лишь слегка мерцала под неярким светом лампы. Отражающая поверх-

ность стала мутной, и он с трудом мог разглядеть своё отражение. Аарон был искренне удивлён, что его мать, крайне требовательная к поддержанию статуса, могла оставить подобное, да ещё и в хозяйской спальне, но слишком устал, чтобы об этом размышлять.

Аарон с усталым вздохом опустился на край кровати, не заботясь о том, чтобы снять одежду – лишь сбросил туфли и провёл рукой по лицу. Тело ныло от усталости, мысли путались. Всё здесь было чужим, как будто он оказался в музее собственного прошлого: комната – вычищенная, но безжизненная, запах старого дерева и затхлого воздуха – удушливый, как в склепе.

Он откинулся назад, позволяя себе короткую передышку. Сон подкрался быстро – вязкий, тяжёлый, как густой туман. Стук. Едва уловимый – словно кто-то постучал по стеклу. Аарон резко открыл глаза. Он замер, прислушиваясь. Было тихо. Может, послышалось?

Он поднялся и подошёл к окну. Двор утопал в сумерках, в зарослях шевелились лишь тени. Пусто. Стук повторился. На этот раз – с другой стороны комнаты.

Аарон замер, его сердце пропустило удар, когда осознание медленно проникло в разум.

Звук доносился не снаружи. Он шёл из зеркала.

Страх сковал его по рукам и ногам, он не мог даже пошевелиться, лишь как статуя замер в ожидании. Минуту тянулись, но стук больше не повторялся, и он медленно двинулся

в сторону туалетного столика.

Руки предательски подрагивали, когда он ладонью коснулся стеклянной поверхности, чтобы удостоверится в том, что она цела и невредима, и в какой-то момент ему показалось, что зеркальная гладь подрагивает под его пальцами. Пытаясь отогнать наваждение он потряс головой, и собирался было отдёрнуть руку, но в тот же момент, из зеркала показалась костлявая рука, с кусками полуистлевшей одежды, и крепко схватила его за запястье. Аарон поднял испуганный взгляд, и увидел силуэт по ту сторону зеркала. Ему хотелось закричать, но в горле встал ком, а грудь будто сдавило металлическим обручем.

– Новый хозяин... Должен принять... – раздался тихий шёпот с той стороны, Аарону пришлось напрягать слух, чтобы разобрать слова, – Помни о договоре!

Парень подскочил на кровати в холодном поту. Как он не старался, отдышаться не получалось, и в какой-то момент Аарон подумал что и вовсе задохнётся, но паника медленно начала отступать и он провалился в тревожный сон.

Глава 2

Утреннее пробуждение для Аарона выдалось тяжёлым. Голова нещадно раскалывалась, а комната выглядела, будто ночью тут прошелся ураган. Вещи из шкафа были вывернуты на пол, а на зеркало была накинута плотная ткань. Молодой слуга, вошедший, чтобы разбудить графа, настороженно оглядывал разрушения, явно предвкушая новые слухи для пересудов на кухне, мол новый хзяин не в ладах с головой. Аарон криво усмехнулся: его семье и так приписывали.

– Хочу чтобы это, – он указал на столик с зеркалом, – убрали.

– Переставить в другую комнату, господин? – учтиво поинтересовался парень. Аарон перевел взгляд на зеркало. Ткань, прикрывающая зеркальную поверхность немного сползла, и солнце, что проникало в комнату через щель в шторах, с удовольствием пускало блики по комнате. Но, для графа, оно не выглядело безопасно даже в свете дня. Воспоминания о страшной, гниющей руке, что больно впиалась ногтями в его запястье, было ещё слишком свежо.

– Убрать из дома, чтоб я больше никогда этого зеркала не видел, – несмотря на страх голос сквозил холодом, и слуга, быстро закивав, поспешил покинуть хозяйскую спальню. Аарон в этом желании с ним был солидарен, и накинув ру-

башку, спустился вниз. Там уже вовсю шла уборка, горничные сновали туда-сюда, перетаскивая за собой ведра с водой и всевозможную ветошь для пыли. Завидев нового хозяина они бросали все дела, и покорно склоняли головы, боясь встретиться с графом взглядами.

Семья Беркли проклята, это знали все. Страшные истории о том, как они приносят в жертву своих же родственников, ходили в Шардмуре всегда и жутко пугали Аарона, когда он был маленьким. Парень никогда не задумывался, в чем причина таких домыслов, лишь иногда замечал, как перешёптываются люди и как косо смотрят гости, которых его мать с отцом часто приглашали на вечерние балы.

Лишь однажды на одном из приёмов он играл с детьми гостей, и, как это часто бывает, мальчики не поделили игрушку. Тогда-то, в порыве эмоций, мальчик высказал Аарону, что знает, кто живет у них в зеркалах. Молодой граф тогда не на шутку испугался, но мать смогла его убедить, что это все просто детская фантазия и домыслы, а зеркала – это лишь стекло с серебряной плёнкой. Но сегодня Аарон уже не сомневался: зеркала в этом доме не простые, там явно обитает зло.

– Доброе утро, господин, – дворецкий как обычно появился тихо и неожиданно, – я подготовил документы, как вы и просили. Они в кабинете вашего отца, вы подниметесь туда, или принести сюда?

– Пусть остаются в кабинете, – отмахнулся Аарон. Ему по-

чему-то вспомнились слова отца, что вся работа и дела должны оставаться за дверями кабинета. Этому принципу молодой граф следовал и в своей жизни.

Воспоминаний об отце у него было ещё меньше, чем о матери. Рафаэль Беркли был блёклой фигурой в жизни Аарона, память о нем сохранилась лишь отрывочными фрагментами. Которые, на удивление, были радостными.

– Как прикажите, – учтиво ответил дворецкий, – Пока вы отдыхали к вам заходил сэр Уильям Спаркс, – на непонимающий взгляд Аарона Бернард уточнил, – он был другом вашего отца.

– По какому вопросу? – наливая себе чай уточнил граф. Ему мало хотелось общаться с незнакомыми людьми, даже несмотря на то, что они когда-то знали его родителей.

– Господин Спаркс устраивает приём сегодня вечером, и он бы хотел чтобы вы на нем присутствовали, – дворецкий положил перед хозяином небольшую карточку, где аккуратным почерком было выведено его имя, – сэр Спаркс только сегодня узнал о вашем визите, и хотел пригласить вас лично. Вы давно не были в городе, и, вероятнее всего, никого не помните. Этот бал может стать отличной возможностью завести пару полезных знакомств.

Аарон на минуту задумался. Он всматривался в приглашение, будто там мог найти ответ на свои колебания. Ему не хотелось снова вливаться в окружение, которое, казалось, осталось в прошлом. Но, вспомнились слова отца, что тот

часто повторял мальчику, когда он отказывался спускаться к гостям на праздниках: «Аарон, мы слишком многим пожертвовали, чтобы быть теми, кто мы есть сейчас. И твоя обязанность, как наследника, поддерживать наш статус и уважение к семье».

– Мой отец действительно был близок с сэром Спарксом? – спросил он, стараясь не выдать скепсиса.

– Да, сэр. Они много лет поддерживали дружеские отношения. Думаю, для сэра Спаркса важно лично поприветствовать наследника друга, – пояснил дворецкий с мягкой уверенностью. – Возможно, ваше присутствие также станет знаком уважения к памяти графа Рафаэля, – Аарон тяжело выдохнул, глядя на чашку в руках. Разум тянул его прочь от этого бала, но что-то в этом доводе не давало ему отвергнуть приглашение.

– Отправь кого-нибудь, пускай сообщат, что я буду присутствовать, – Бернارد учтиво кивнул и бесшумно удалился. Аарон отодвинул кружку, без аппетита взглянул на завтрак, что поставили перед ним, и вышел из-за стола.

Ключи от отцовского кабинета были на привычном месте, Аарон даже невольно улыбнулся. Эти часы, в которых отец всегда хранил ключи, никогда не вписывались в интерьер коридора. Но Рафаэль был уверен, что это самое незаметное место во всем доме. Аарон осторожно провернул ключ, и дверь с тихим щелчком отворилась.

Кабинет отца Аарону всегда казался комнатой, в которой время застыло. Обширное пространство было наполнено полутемными тонами старого дерева и тяжёлого бархата. На высоких стенах висели полки, загроможденные книгами, а рядом с ними покоились диковинные старинные артефакты, покрытые лёгким налетом пыли. Лишь у окна, чуть отодвинув шторы, можно было разглядеть пейзажи Шардмура. Но самую странную и непонятную часть кабинета составляли зеркала. Их было несколько, расположенных так, что они не могли отразить ни одного солнечного луча, не допуская в это место даже намёка на тепло. Два зеркала разных размеров, одно стояло на массивном столе, чуть заслонённое кипой бумаг, и ещё одно – небольшое и потемневшее от времени – спряталось в углу, почти сливаясь с тенью. При взгляде на них становилось не по себе, будто холодные взгляды из-за стекла незримо следили за каждым движением в комнате.

За дубовым столом, всегда аккуратно сложенные, лежали документы, письма, перо и чернильница, как будто отец только что покинул кабинет и собирался вернуться. Но в этих вещах, казалось, застыла сила, сдержанная и тяжёлая. Здесь был каждый штрих, каждый знак того, что когда-то Рафаэль Беркли был здесь полноправным хозяином, и эта комната была его территорией – и даже после его смерти она осталась ему верна.

Аарон всегда чувствовал в кабинете гнетущее ощущение чего-то недосказанного. Будто сами стены, молча наблюда-

ющие зеркала и массивный стол, хранили его прошлое и напоминали, что быть хозяином этой комнаты означало быть не просто наследником, но и... что-то большее.

Он в нерешительности замер возле стола, не решаясь за него сесть, будто бы собирался присвоить то, что ему не принадлежит. Лишь когда он увидел на столе конверт со своим именем, что было выведено аккуратным женским почерком, его сердце неожиданно дрогнуло. Письмо, очередное письмо от матери, выбило весь кислород из лёгких.

«Мой дорогой Аарон, сынок. Мне так жаль, что я не могу выразить это словами. Каждый день, что мы провели в разлуке, разрывал моё материнское сердце, но я знала, что так нужно. Я хотела защитить тебя, отправив подальше от этого проклятого города, уберечь от судьбы, которую несёт этот дом. Но если ты читаешь эти строки, значит, неизбежное свершилось, и ты теперь владеешь этим местом – полностью и неоспоримо. Понимаешь ли ты, сынок, что, став его хозяином, ты связал с ним и свою жизнь, как это сделали те, кто был до тебя? Твое имя теперь на этом документе, и ни один из нас не смог избежать... но знай, я верила, что у тебя будет сила противостоять ему. В обратном случае, прости нас, сын»

Аарон несколько раз перечитал письмо, пытаясь понять, что же мать имела в виду. Лишь одно он осознал точно: его отправили подальше от дома не потому, что не любили, а потому, что этого требовали обстоятельства. Только вот что

за обстоятельства могли заставить любящую мать расстаться со своим ребёнком на долгие пятнадцать лет?

Он отложил письмо и пробежался взглядом по стандартному тексту завещания, где всё имущество и средства, что имела его мать, было завещано Аарону. Среди кипы документов Аарон заметил старый, потрепанный от времени лист бумаги. На нём разными почерками были выведены имена. Граф нашёл там и знакомые ему: его дед, отец, мать. Видимо, это и был тот самый документ, о котором говорилось в письме матери. Его рука с пером нерешительно застыла над бумагой, неясная тревога нарастала внутри. Аарон разглядел на листе капли, будто кляксы, но не от чернил. Будто кто-то лил слезы, вписывая своё имя дрожащей рукой.

Его размышления прервал тихий стук в дверь, парень нехотя оторвался от документа, и отложил перо. На пороге появился дворецкий.

– Господин, к вам посетительница.

– Кто? – спросил Аарон, он явно никого не ждал.

– Жозефина, – имя было ему смутно знакомым, но он не мог вспомнить откуда. Бернард, заметив замешательство хозяина, пояснил.

– Она когда-то работала здесь кухаркой, вы, верно, уже и не вспомните тех дней, – но, Аарон вспомнил. Приятная, добрая женщина, от которой пахло тёплым хлебом, надолго отпечаталась в душе тогдашнего мальчика.

– Впустите её, – спешно приказал парень, убирая доку-

менты в стол, так и не подписав. Краем глаза он заметил легкую рябь, что пробежала по зеркалу. Ему сразу вспомнился кошмар, что приснился ему ночью. Вероятно, графу стоило бы позаботиться и о этих зеркалах.

Немолодая женщина вошла в кабинет, и Аарону показалось, что вокруг стало ярче. Будто бы Жозефина несла в себе столько света, что хватало всем, и даже ему. Она радушно улыбнулась, и воскликнула:

– Ты нисколько не изменился, так же красивый мальчик, – Аарон, как не старался себя контролировать, тут же залился краской, – Как только я узнала, что ты вновь здесь, поспешила к поместью. Очень переживала, что не впустят.

– Я всегда тебе рад, Жозефина, – ответил Аарон, помогая женщине сесть, – удивлён лишь, что ты помнишь меня спустя столько лет.

– Как же забыть этого проказника, что постоянно воровал плюшки с кухни, – засмеялась она, – я была очень расстроена, когда госпожа тебя отослала. Мы всей прислугой гадали, что же произошло.

– И что же разузнали? – Аарон был уверен, кто-кто, а прислуга точно была в курсе всех хозяйских дел, даже тех, которые их не касались.

– Ох, дорогой мой мальчик, это всего лишь домыслы горничных да кухарок, – отмахнулась от ответа она, и покосилась на зеркало за спиной Аарона.

Аарон смотрел на Жозефину с тихим любопытством. Её

присутствие успокаивало его, словно в доме, где каждое зеркало таило холод и тайну, она была единственным тёплым, светлым воспоминанием.

– Я слышала, что ты снова стал хозяином этого дома, – сказала она тихо, словно опасалась, что её услышат. – Каково это – вернуться?

Аарон задумался, как ответить. Взгляд его скользнул по тяжёлым занавесам, по массивным полкам, по старому зеркалу, которое, казалось, наблюдало за каждым движением.

– Я ещё не хозяин, но, это все странно, – наконец сказал он, не отрывая взгляда от зеркала. – Всё здесь словно ожидает чего-то. Словно дом... живёт своей жизнью.

Жозефина кивнула, её лицо на мгновение омрачилось.

– Есть у этого дома свои секреты, мой милый мальчик, – сказала она, понизив голос. – Помню, как твой отец в последний раз просил, чтобы я испекла ему любимый хлеб. А потом... – Она замолкла, и Аарон уловил едва заметный холод в её голосе. – Этот дом всегда забирал у своих хозяев больше, чем давал, – Аарон нахмурился, чувствуя, как в душе зарождается тревога.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, чувствуя, что она утаивает что-то важное.

Жозефина взглянула на него с грустью, но её взгляд был тёплым, будто она пыталась предостеречь его.

– Знаешь, Аарон, – голос Жозефины чуть дрогнул, когда её взгляд скользнул по зеркалу. – Говорят, что ваша семья...

приносит жертвы этим зеркалам, чтобы сохранить себя. И что души тех несчастных, кто был отдан в жертву, остаются здесь. Навсегда, – она вздохнула, словно сама почувствовала тяжесть этих старых легенд.

Аарон смотрел на неё, изо всех сил стараясь не показать своего волнения.

– Это всё старые сказки, я никогда в жизни не слышал подобного, – неуверенно сказал он. Но холодок по спине не давал ему избавиться от тревожных мыслей. Жозефина вздохнула, и её взгляд снова на миг упал на зеркало.

– Я знаю, что ты человек разумный, Аарон, но прошу... будь осторожен. Иногда в старых сказках больше правды, чем хотелось бы.

Аарон молчал, ощущая, как её слова проникают в его сознание, оставляя странное ощущение тревоги.

Жозефина улыбнулась, пытаясь развеять напряжение, и тихо добавила:

– А теперь не забывай кушать, граф. В тебе остался всё тот же мальчишка, который таскал плюшки из кухни, – с этими словами она погладила его по руке и покинула кабинет, оставив его наедине с тревожными мыслями и неясным, но давящим чувством надвигающейся опасности.

Полдень, казалось, застыл в воздухе. Едва слышимый шум листающего бумаги ветерка едва нарушал тишину кабинета. Аарон сидел за столом, окружённый высокими стоп-

ками старых документов. Бумаги шуршали под его пальцами, каждое движение напоминало ему о времени, которое он теряет.

Одно письмо привлекло его внимание. Оно выглядело так, будто его не хотели сохранить, но и уничтожить не решились. Записка была короткой, но неразборчивой. Аарон нахмурился, всматриваясь в неуклюжий, почти лихорадочный почерк. Слова не складывались в единое целое. «... дом... отражение... нельзя...» Он отложил лист. Наверное, очередные сумбурные заметки отца, которые всё равно не давали смысла.

Наблюдая за бликом солнца на одной из рам зеркала в кабинете, он поймал себя на странной мысли: почему их в доме так много? В детстве это казалось естественным: зеркала украшали коридоры, гостиные, спальни, даже чулан. Теперь же, сидя в мрачном кабинете, он чувствовал себя окружённым ими. Как будто их всегда было больше, чем нужно.

Аарон вздохнул, возвращаясь к бумагам. Эти мысли не приносили ничего, кроме ощущения пустоты. Спрашивать было уже не у кого.

Вечер уже опускался на Шардмур, когда Аарон вышел из кабинета. Пыль от старых бумаг осела на его манжетах, а в голове бродило беспокойство, которому он не мог найти объяснения. Бал. Формальность, которой следовало придерживаться ради фамильного имени.

Поднимаясь в свои покои, он вспомнил, как утром велел

убрать зеркало из спальни. Оно стояло там всегда – громоздкое, в тяжёлой резной раме, отражая чуть ли не половину комнаты. Обычно оно не привлекало его внимания, но сегодня утром он проснулся с ощущением, что зеркало будто смотрело на него. Он не мог объяснить этого иначе.

Но, войдя в комнату, Аарон застыл. Зеркало всё ещё стояло на месте. Оно выглядело так же, как всегда, но теперь ему казалось, что оно стало даже больше, чем было. Он помедлил у двери, чувствуя, как что-то внутри скручивается от раздражения. Или страха?

– Слуги... – он выдохнул, потирая переносицу, – ничего нельзя поручить.

Он подошёл ближе, будто хотел доказать себе, что это просто кусок стекла. Но его отражение смотрело на него слишком пристально. Казалось, что в комнате, кроме него, есть кто-то ещё. Взгляд за спиной, невидимый, но ощутимый.

– Глупости, – пробормотал он, стряхивая пыль с рукавов. Поправив воротник, он отвернулся, стараясь больше не смотреть в зеркало. Но отражение словно притягивало его краем сознания.

Слуга постучал в дверь, напомнив, что время почти пришло. Аарон сжал руки в кулаки, чтобы прогнать нервозность, и принялся натягивать фрак. Тёмный, строгий, идеальный для бала. Всё это ощущалось как ещё одна форма притворства.

Но в голове всё ещё звенело: зеркало должно было исчез-

нуть. Ему не нравилось то, что оно всё ещё здесь.

Молодой слуга услышал окрик хозяина не сразу, и Аарону даже пришлось повысить голос, чтобы дозваться юнца.

– Зеркало, – он с отвращением ткнул в резную раму, – Почему оно все ещё здесь? – парень что-то мямлил себе под нос, теребя край сюртука. Внутри Аарона закипало раздражение, но он изо всех сил держал себя в руках.

– Мы не смогли, – наконец граф смог разобрать хоть пару слов.

– Вы не смогли вынести зеркало?

– Господин, оно будто бы вросло в пол! Пятеро взрослых мужчин не смогли и на сантиметр его сдвинуть, – тараторил слуга, оправдываясь.

Аарон замер, вслушиваясь в слова слуги. Вросло в пол? Пятеро мужчин? Это звучало нелепо. Зеркало, каким бы массивным оно ни было, оставалось просто вещью, куском стекла и дерева.

– Чушь, – коротко бросил он, обойдя молодого человека и направившись к зеркалу.

Слуга сдался без сопротивления, лишь проследил за ним взглядом. Аарон подошёл к зеркалу и остановился напротив. Багровый отблеск заката лёг на стекло, придавая его поверхности странный, почти живой оттенок. Он стоял слишком близко, и его отражение казалось чуть искажённым, будто дышащим.

– Вросло в пол, говоришь? – его голос звучал напряжённо.

Он склонился к раме и положил руку на её резное основание. Дерево было неожиданно холодным, как ледяной металл.

Он напряг мышцы, с силой рванув раму на себя. Никакого результата. Зеркало будто слилось с полом, даже не качнувшись. Аарон нахмурился и попробовал ещё раз, теперь обеими руками, вложив в движение всю свою досаду.

– Господин, не стоит, – осмелился подать голос слуга, но Аарон его не слышал. Внезапный порыв ярости заставил его ещё раз рвануть зеркало, но и это не дало никакого результата.

– Невозможно, – выдохнул он, отступая назад. В груди пульсировала смесь гнева и какого-то непрошеного, неприятного чувства.

Слуга теребил край сюртука и переступал с ноги на ногу. Наконец, он осмелился заговорить:

– Господин, может, это не к добру? Эти зеркала... Они ведь давно здесь, ещё от прошлого графа. Говорили, он...

– Замолчи, – резко прервал его Аарон. – Хватит сплетен. Это просто зеркало.

Он пытался убедить в этом не только слугу, но и себя. И всё же, когда он снова взглянул в отражение, ему показалось, что тени в глубине стекла двигались. «Да к черту», – подумал он, и, схватив с постели фрак, поспешил к выходу, оставляя шокированного слугу позади.

Карета мчалась по извилистой дороге, а за окнами то и дело мелькали силуэты деревьев, окутанных плотным вечер-

ним туманом. Осенний воздух был пропитан сыростью, и капли росы блестели на голых ветвях, словно мелкие драгоценности. Шардамурская местность всегда казалась Аарону мрачной, но в этом был свой своеобразный шарм.

Колёса глухо стучали по гравию, убаюкивая, но Аарон был далёк от расслабления. Его мысли всё ещё витали вокруг дел, оставленных за письменным столом. Воспоминание о застрявшем в полу зеркале неприятно кольнуло: ещё одно доказательство, что в этом доме слишком много тайн, с которыми ему придётся разобраться.

Он откинулся на мягкую спинку сиденья, позволив себе несколько минут спокойствия. Снаружи слышался едва различимый шум – шелест листвы и стрекот ночных насекомых. Он подумал, что предпочёл бы остаться дома и продолжить разбираться в документах, чем ехать на этот бал. Но отказаться было невозможно: приглашение исходило от друга его покойного отца, и для сохранения семейного имени нужно было появиться.

Карета внезапно замедлилась, и сквозь туман начали вырисовываться огни поместья, где проводился бал. Яркие фонари у ворот напоминали огоньки маяков, вырывающих из мрака силуэты карет и идущих в сопровождении лакеев гостей.

Аарон вздохнул. Этот вечер обещал быть не менее выматывающим, чем целый день за разбором бумаг.

– Граф, мы прибыли, – раздался голос кучера, заставляя

Аарона выпрямиться.

Он пригладил рукав сюртука и взял трость, ожидая, пока лакей откроет дверь. Взглянув на освещённое здание поместья, он невольно подумал о том, что на этот раз его ожидало внутри – ещё один бессмысленный вечер или очередная часть загадки, которая шаг за шагом затягивала его в прошлое семьи.

На улице его встретили удивлённые и заинтересованные взгляды, но, игнорируя всех и каждого, Аарон направился ко входу в поместье. Сейчас ему меньше всего хотелось светских бесед, парень надеялся поприветствовать сэра Спаркса и, проведя совсем немного времени с вежливой улыбкой, ретироваться.

Аарон ступил на гравийную дорожку, чувствуя под ногами влажную, чуть скрипящую поверхность. Вечерний воздух был наполнен запахом свежих цветов, который смешивался с дымком факелов у ворот поместья. Лакей церемонно поклонился и жестом пригласил его следовать за ним.

Огромные двери поместья были распахнуты настежь, и изнутри доносился приглушённый гул голосов, смех и звуки оркестра. Аарон невольно поморщился: суэта этих мероприятий всегда раздражала его, но уйти было невозможно.

– Граф Беркли, – громогласно объявил распорядитель у входа.

Голоса в зале на мгновение стихли, когда гости обратили внимание на нового прибывшего. Некоторые переглядыва-

лись, кто-то приветственно кивнул, но Аарон не стремился задерживаться у порога. Он быстро прошёл вперёд, едва заметно кивнув в ответ нескольким знакомым, которых изредка встречал в Лондоне, и взял бокал шампанского у услужливо протянутого подноса.

Блеск хрустальных люстр и шёлковых обоев резал глаза, а вокруг мелькали пышные наряды дам и тщательно подобранные костюмы кавалеров. Всё это казалось Аарону спектаклем, в котором он должен был сыграть лишь эпизодическую роль.

– Аарон!

Голос был глубоким, чуть хрипловатым, с той особой теплотой, от которой в зале словно становилось светлее. Аарон обернулся – и увидел пожилого мужчину в элегантном, хоть и немного старомодном костюме. Сэр Спаркс выглядел почти таким же, каким Аарон помнил его с детства: высокий, крепкий, с густыми седыми бакенбардами и внимательными глазами, в которых горел живой интерес.

– Сэр Спаркс, – Аарон наклонил голову в знак уважения. В груди отозвалось странное чувство: облегчение, что встретил знакомое лицо, но и смутное напряжение – слишком многое связывало этого человека с его прошлым.

– Ты возмужал, – Спаркс усмехнулся, пожимая его руку чуть крепче, чем требовал этикет. – Лицо серьёзное, взгляд тяжёлый... всё в точности, как у твоего отца.

Аарон позволил себе слабую улыбку.

– Надеюсь, это не упрёк.

– Отнюдь. Твой отец был человеком с железной волей, и такие не рождались каждый день, – взгляд Спаркса скользнул по залу и вновь вернулся к нему, чуть прищуренный. – Ты многому у него научился. Говорят, ведёшь дела твёрдо. Может, даже слишком твёрдо.

Аарон напрягся, но промолчал.

– Не обижайся, мальчик мой, – Спаркс легко похлопал его по плечу. – Я говорю это с восхищением. Жаль, что он не дожил до этого дня. Он бы... гордился.

Эти слова задели Аарона глубже, чем он хотел показать. Он коротко кивнул.

– Спасибо, сэр Спаркс. Мне бы хотелось, чтобы он был здесь.

Сэр Спаркс на миг задержал ладонь на его плече, и в этом прикосновении было что-то слишком властное для дружеского жеста.

– Если что-то понадобится, помни: я рядом. Но сейчас не время говорить о серьёзном. – Его улыбка на секунду показалась слишком широкой, почти хищной, прежде чем он отступил. – Насладись вечером. Мы ещё поговорим.

Прежде чем Аарон успел задать вопрос, сэр Спаркс растворился в толпе, оставив его с ощущением лёгкой тревоги.

Едва он сделал глоток шампанского, как перед ним возник полный мужчина с широко растянутой улыбкой.

– Граф Беркли! Какое счастье видеть вас на нашем скром-

ном мероприятии! – он склонился в неуклюжем поклоне. – Эрвин Эркинс, к вашим услугам.

Аарон едва заметно кивнул, скрывая своё раздражение.

– Рад знакомству, – отозвался он, сохраняя учтивость.

– Я не смею вас задерживать, граф, но позвольте представить вам мою дочь, Розалин. Она... где же она? – Эркинс обернулся, торопливо окидывая взглядом толпу. – Ах, вот она!

Аарон проследил за его жестом и увидел девушку, стоявшую чуть в стороне от общего веселья. Её платье было скромным, едва ли соответствующим богатству зала, а украшения напоминали больше безделушки, чем настоящие драгоценности. Однако в её манере держаться было что-то необычное: спокойная сдержанность, почти отчуждение от происходящего.

– Мисс Розалин, – провозгласил Эркинс, уже таща дочь к Аарону, – это граф Беркли. Я уверен, вы найдёте общий язык, – Розалин слегка поклонилась, её взгляд был мягким, но настороженным.

– Граф, приятно познакомиться, – произнесла она тихо.

Аарон ответил коротким кивком, не желая углубляться в разговор.

– Мисс Эркинс, – он заметил скромность её наряда и украшений, но не придал этому значения. – Надеюсь, вам нравится этот вечер.

– Он... интересный, – её голос был тихим, почти неуве-

ренным.

Эркинс тут же вмешался, торопливо добавляя:

– Розалин прекрасно танцует, граф. Возможно, вы бы составили ей компанию?

Аарон поднял бровь, но быстро подавил раздражение.

– Благодарю за приглашение, но боюсь, я не лучший танцор, – сухо ответил он, отпив ещё глоток шампанского.

С этими словами он сделал шаг назад, давая понять, что разговор завершён. Однако, уходя, он невольно обернулся и заметил, как девушка опустила взгляд, будто понимая, что попытка отца впечатлить очередного жениха не увенчалась успехом.

Аарон занял место подальше от толпы. Ему ещё несколько раз пришлось отказаться от танцев, что было крайне грубо, но парень перебороть себя не мог. Женщины подходили и выражали соболезнования в связи с кончиной матери, а мужчины восхищались умению молодого графа вести дела.

Аарон стоял у края зала, рассеянно наблюдая за парами, кружившимися в танце. Его настроение оставалось таким же, как при входе: равнодушным и немного раздражённым. Лёгкий звон бокала шампанского в его руке словно подчёркивал безразличие ко всему происходящему. Его взгляд случайно упал на мисс Розалин Эркинс. Девушка сидела чуть в стороне от общей суеты, её глаза опущены, а руки нервно теребили платок. На фоне шумного веселья её фигура ка-

залась особенно хрупкой и одинокой. Аарон заметил, что к ней никто не подходил, чтобы пригласить на танец. Это было странно, ведь обычно мужчины старались проявить внимание хотя бы из вежливости. Но, очевидно, скромность её наряда и отсутствие блеска драгоценностей делали её невидимой для тех, кто искал выгодные знакомства.

Он уже собирался отвернуться, но вдруг поймал себя на мысли, что эта сцена почему-то его задела. Сам не зная зачем, Аарон направился в сторону, где сидела её компаньонка – пожилая женщина с напряжённым выражением лица, которая, по всей видимости, была её тётушкой.

– Позвольте, мадам, – Аарон слегка склонил голову, – пригласить мисс Эркинс на танец, – тётушка вскинула брови, явно удивлённая, но быстро скрыла эмоции за учтивой улыбкой.

– Конечно, милорд. Для моей племянницы это будет большая честь.

Аарон повернулся к Розалин. Она подняла голову, и в её взгляде смешались удивление и робкая благодарность.

– Мисс Эркинс, окажете мне честь? – он протянул руку, соблюдая идеальную форму обращения, как и требовали традиции. Розалин смущённо кивнула, её щеки слегка порозовели. Она аккуратно вложила свою руку в его, и он почувствовал лёгкое дрожание её пальцев.

– Конечно, граф, – её голос был тихим, но мелодичным. Аарон повёл её в центр зала, стараясь не обращать внимания

на несколько любопытных взглядов, следивших за ними. Он поднял голову, всем видом демонстрируя, что крайне доволен происходящим и своей спутницей. Когда оркестр начал следующую мелодию, он осторожно обхватил её талию, их движения слились с общей круговертью танцующих.

– Вы редко бываете на балах, не так ли? – его голос прозвучал почти рассеянно, но он всё же решил поддержать разговор.

– Да, граф, – ответила она, поднимая на него глаза. – Такие вечера редко бывают частью моей жизни.

– Это видно, – он произнёс это без тени насмешки, скорее констатируя факт.

Розалин не ответила, лишь слегка сжала губы. Аарон почувствовал себя неуютно, как будто случайно задел струну, которая могла вызвать у неё боль.

– Вы танцуете хорошо, мисс Эркинс, – добавил он, чтобы сгладить неловкость.

– Благодарю, граф, – её голос прозвучал чуть теплее.

Он больше не пытался говорить, позволяя музыке заполнять пространство между ними. Но в его голове внезапно возник вопрос: что заставило его подойти к ней? Почему он, не проявляющий интереса к этим формальным встречам, вдруг решил нарушить собственные правила ради этой скромной девушки?

Когда танец закончился, девушка учтиво поклонилась, и вернулась к компаньонке. Аарон подметил, что та сразу на-

бросилась на Розалин с вопросами, но девушка лишь рассеянно озиралась по сторонам, будто ища поддержки. Парень решил более не задерживаться, он слишком устал. Завтра его ждали новые бумаги, и новые вопросы без ответов.

Глава 3

Утро для Аарона выдалось непростым. Почти всю ночь он промучался без сна, крутя в голове все произошедшее за день. Он уже сотню раз пожалел, что приехал сюда. Столько лет он прекрасно жил в отрыве от семьи и её тайн, что теперь просто не представлял, что ему делать и за что хвататься.

Приподнявшись на локтях, он бросил взгляд в сторону окна. Шардмурские пейзажи, словно сошедшие с мрачной картины, встречали его серым небом, тяжёлыми клочьями тумана и чёрными силуэтами голых деревьев. На мгновение ему показалось, что в густой дымке притаилась чья-то тень, но стоило ему прищуриться, как она растаяла.

Аарон тяжело вздохнул и снова опустился на подушку, с головой укрывшись одеялом. Желание вставать исчезло полностью. Всё в этом доме – от выцветших портретов предков до едва уловимого скрипа половиц – напоминало ему о проклятии, которое он унаследовал. Даже сейчас, в этот холодный ноябрьский день, он чувствовал, как стены особняка давят на него невидимой тяжестью. «Может, просто собрать вещи и уехать обратно в Лондон?» – мелькнула мысль. Но в глубине души Аарон знал, что это невозможно. Уехать сейчас означало бы оставить всё нерешённым, а бремя тайн, от которых он столько лет бежал, всё равно догонит его, где бы

он ни находился.

Где-то внизу едва слышно хлопнула дверь, и донёлся приглушённый голос слуги. В доме уже начался новый день, но Аарон никак не мог заставить себя подняться и включиться в его течение. Лишь звон старых часов из коридора напомнил ему о том, что время уходит, и вместе с ним – его возможность взять судьбу в свои руки.

Аарон с усилием отбросил одеяло и сел на краю кровати, с минуту глядя на холодный пол. Слабое утреннее солнце пробивалось сквозь плотные шторы, окрашивая комнату в блёклый серо-жёлтый оттенок. Дрожь прошла по его телу, когда босые ноги коснулись ледяных досок.

Он потянулся к звонку, чтобы позвать слугу, но замер, вспомнив вчерашний разговор о зеркале. В комнате стояла напряжённая тишина, словно сама обстановка ждала его решения. Аарон бросил взгляд на стену, где рама зеркала, несмотря на все усилия, всё ещё крепко удерживала своё место. Он невольно поёжился.

– Проклятье... – тихо пробормотал он, проводя рукой по лицу. В дверь постучали.

– Войдите, – хрипло отозвался он, не в силах поднять голову.

В комнату вошёл молодой слуга, тот самый, который вчера оправдывался насчёт зеркала.

– Доброе утро, господин, – неуверенно произнёс он, перенося вес с ноги на ногу. – Приказать подать завтрак в сто-

ловую или вам подать сюда?

– В столовую, – коротко бросил Аарон, не поднимая взгляда.

Слуга замялся, словно хотел сказать что-то ещё, но затем быстро кивнул и выскользнул из комнаты, оставив Аарона снова наедине с мыслями. «Соберись», – приказал он себе, вставая и направляясь к умывальнику. Ледяная вода заставила его вздрогнуть, но её прикосновение помогло немного прояснить мысли. Ему нужно было разобраться с делами, если он хотел найти ответы. Он быстро оделся в простой, но элегантный утренний костюм и направился вниз. В воздухе дома витали запахи старого дерева, парафина от свечей и легкий аромат чёрного кофе. Войдя в столовую, Аарон обнаружил на столе стопку писем и документов. Вид их вызывал у него привычную тяжесть в груди.

Слуга, который стоял в стороне, не выдержал молчания.

– Господин, сэръ Спаркс прислал вам записку. Просил передать, что будет ждать вас на обед в своём поместье.

Аарон нахмурился.

– Записка?

Молодой человек протянул ему сложенный лист. Развернув его, Аарон бегло прочёл ровные, уверенные строки приглашения. Чувство было противоречивым: с одной стороны, меньше всего ему хотелось снова обсуждать прошлое и эти чёртовы зеркала; с другой – отказаться было бы глупо. От прошлого не убежишь.

– Передай, что я прибуду, – тихо сказал он, убирая письмо в карман.

«Время снова встречаться с призраками», – подумал он, поднося к губам чашку кофе.

Поработать Аарон так и не смог: цифры расплывались, мысли путались. Он ловил себя на том, что всё чаще возвращается к матери – её аккуратным записям в счетах, её силе. Теперь он начинал понимать, почему она отправила его прочь, подальше от Шардмура.

Он устало откинулся на спинку кресла. Солнечный луч пробился сквозь гардины, подсвечивая пылинки в воздухе. Зеркало напротив, обыкновенное на вид, вдруг стало невыносимым: каждое отражение теперь будто смотрело на него в упор.

«Сможешь ли ты быть таким же сильным, как она?» – отзвенело в голове.

Аарон резко отвернулся, сжал край стола и выдохнул.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть. На пороге стоял дворецкий.

– Господин, ваша карета будет подана через четверть часа. Сэр Спаркс ожидает вас у себя и просил не задерживаться.

Аарон хотел было отказаться, сославшись на усталость, но уже поднялся. Разговор будет тяжёлым – но, возможно, принесёт ответы.

– Скажите, что я выйду сейчас, – коротко бросил он.

Дворецкий кивнул и исчез, оставив его одного. Бумаги на

столе казались тяжелее любого камня. Но медлить больше было нельзя.

Он поправил манжеты, прошёл по коридору, и каждый его шаг гулко отзывался в стенах – будто сам дом напоминал, что всё это наследие больше не отпустит его.

Дом сэра Спаркса почти не уступал по размерам и величю поместью Беркли. Аарон попытался вспомнить, был ли дом таким огромным в его детстве, но воспоминания будто смыло. Ослепительно белый фасад выделялся на фоне мрачного неба, а окна, высокие и узкие, словно щели, казались глазам, наблюдающими за каждым шагом.

Подъездная дорожка была выложена идеально ровной плиткой, вокруг которой росли выстриженные кусты в форме шаров. На них не было ни единого листка, выбившегося из идеальной формы. Всё здесь дышало роскошью и педантичной строгостью.

Большие двойные двери из тёмного дуба, украшенные бронзовыми ручками в форме львиных голов, открылись едва ли не бесшумно, как будто были смазаны утром специально для того, чтобы произвести впечатление. Аарон замер на крыльце, пока лакей, окинув его оценивающим взглядом, наконец пропустил внутрь.

– Сэр Спаркс скоро подойдёт, – ровным голосом оповестил дворецкий, и оставил Аарона в гостиной, дожидаться хозяина дома. Когда Аарон вошёл внутрь, его обдало ледяным спокойствием. Высокий потолок, поддерживаемый мра-

морными колоннами, казался бесконечным. Пол из чёрного и белого мрамора блестел настолько, что в нём отражалась люстра – огромная, сверкающая сотнями кристаллов. Аромат полированного дерева смешивался с едва уловимым запахом дорогого табака.

Вся обстановка – от изысканно гравированных зеркал на стенах до массивных картин в золочёных рамах – словно говорила: здесь царствует власть, деньги и холодный расчёт.

В детстве Спарк казался Аарону добродушным и весёлым. Но почему-то сейчас он стал замечать холод и некую предвзятость по отношению к нему. Казалось, что каждое слово сэра Спаркса взвешено, каждый жест отточен, но не для того, чтобы расположить к себе, а скорее, чтобы показать своё превосходство. Аарон чувствовал себя школьником, которого вызвали к учителю – обстановка в доме сэра Спаркса только усиливала это ощущение. Каждый уголок словно кричал о порядке, строгости и власти, которой этот человек привык наслаждаться.

Спарк встретил его в кабинете. Аарон сразу почувствовал, как воздух стал тяжелее: он пах старым вином, увядшими розами и какой-то невыносимой тоской. Владелец дома сидел за массивным столом из красного дерева, заваленном книгами и пожелтевшими свитками. Огонь в камине еле тлел, отбрасывая на стены тревожные тени, которые, казалось, тянулись к самому Спарксу. Он не встал, не сделал ни одного движения. Только сухим жестом указал на кресло на-

против, словно перед ним не гость, а предмет, который нужно было поставить на место.

– Аарон, – произнёс он негромко, но с той сухой, как осенний лист, интонацией, где слышался не столько привет, сколько укор. – Наконец ты решился.

Аарон сел. Скрипнул старый кожаный диван. Он не сводил глаз со Спаркса, пытаясь найти в нем хоть тень человечности, но видел только мраморную маску. Его пальцы нервно сжимались в кулаки, а сердце, которое ещё минуту назад билось размеренно, теперь отбивало тревожную дробь.

– Я хочу знать правду, – голос Аарона прозвучал жёстко, даже для него самого. – Что с моими родителями? Что за бред с зеркалами?

Спаркс не ответил. Он чуть усмехнулся, медленно откупорил бутылку, до отказа наполнил бокал и стал покачивать его, наблюдая, как вино лениво стекает по стенкам. В этом жесте было что-то невероятно театральное, будто он наслаждался каждой секундой чужого нетерпения.

– Твои родители не сошли с ума, – наконец произнёс он, делая глоток. Его голос был спокоен, как поверхность озера перед бурей. – Они просто пытались уберечь тебя. Твоя мать особенно. Она слишком хорошо знала, что Зеркала требуют.

– Что именно? – Аарон нетерпеливо подался вперед.

Старик поднял глаза. Взгляд его был холодным, обыденным, как будто он говорил о налогах или урожае, а не о чем-

то жутком.

– Жертву. Настоящую. Кровь. Когда меняется хозяин дома Зеркала требует жизнь, иначе город гибнет. Болезни, пожары, голод – это не пустые легенды.

У Аарона перехватило дыхание. Он вспомнил рассказы слуг о последних днях матери: её дрожащие руки, вечно отстранённый взгляд, её нервный смех. Ему стало дурно.

– Вы всерьёз верите... – он попытался усмехнуться, но смех застрял в горле. – Это безумие.

– Верю, – перебил Спаркс. В его глазах что-то вспыхнуло, похожее на старую боль. – Я видел, как твой отец выбирал. Его первая жена... – он сделал короткую, но тяжёлую паузу, и этого хватило, чтобы слова ударили сильнее, чем если бы он выкрикнул их. – Он отдал её зеркалам.

Молчание упало между ними, тяжёлое, как свинец. Аарон смотрел на Спаркса, и отвращение, которое он почувствовал, было не таким, как то, что он испытывал к змее. Это было отвращение к человеку, который мог быть его братом. Он вспомнил, как Спаркс впервые появился на пороге особняка. Его добродушная улыбка, его искренние слова. Все это было ложью.

– Ты врёшь, – тихо сказал Аарон. Голос его предательски дрогнул.

Спаркс пожал плечами, делая вид, что ему нет никакого дела до чужих чувств.

– Мне нет смысла. Я был рядом. Я видел, как это произо-

шло. Видел, как после этого город воспрянул, словно наполнился свежей воды. Люди этого не знают – да и не должны. Но я знаю. И теперь ты знаешь.

Он поставил бокал на стол, наклонился ближе, и Аарон почувствовал, как по его спине побежал холодок.

– Ты думаешь, почему тебя отправили прочь? Потому что родители надеялись, что проклятье тебя не достанет. Что, может быть, кто-то другой возьмёт на себя долг. Но Шардмур не отпускает своих хозяев. Ты вернулся – значит, пришёл твой черёд.

Аарон сжал кулаки, резко поднялся.

– Это безумие.

– Нет, – спокойно сказал Спаркс, и его взгляд стал ещё холоднее. – Это порядок. Твоя кровь и твой выбор – единственное, что держит этот город живым.

Аарон шёл домой, словно плыл в тумане. В голове смешалось все услышанное, и все нутро сопротивлялось. Слова Спаркса, такие ледяные и обыденные, не укладывались в его сознании. "Жертва. Кровь. Выбор." Этот шёпот преследовал его, звучал в ушах, заглушая даже треск огня в камине.

Он пытался найти трещину в рассказе Спаркса. "Он врёт", – отчаянно твердил он себе. – "Он просто хочет напугать меня, чтобы я сбежал." Но что, если нет?

"Отец лишился рассудка", – это была единственная ло-

гичная, хоть и ужасная, мысль. – "А мать просто поддалась его влиянию. Именно так. Сумасшествие – это болезнь, а не проклятие." Он ухватился за эту мысль, как за спасательный круг, пытаясь успокоить свой разгоряченный разум. А город... просто суеверные люди, и ничего больше.

Стук в парадную дверь был таким громким, что Аарон услышал его даже в кабинете.

Он раздражённо отложил перо, спустился вниз. В холле суетились слуги, переглядывались, словно чего-то боялись.

На пороге стоял мужчина, насквозь промокший под дождём. Он упал на колени, приложил лоб к сапогам графа.

– Милорд! – хрипло выкрикнул он. – Только вы можете помочь. Моя жена... она умирает. Вы же Беркли. Достопочтенные Беркли никогда не отказывали в помощи!

Аарон отшатнулся на шаг, сдерживая раздражение и неловкость.

– Встань, – холодно сказал он. – Я не врач. Тебе лучше отправиться к доктору.

Мужчина вскинул голову, его глаза горели отчаянием.

– К доктору я уже ходил! Он развёл руками! Умоляю вас... Она мать моих детей. Я останусь с сиротами на руках. Помогите!

Слуги стояли полукругом позади Аарона. Никто не двинулся, но все смотрели на хозяина так, будто ждали решения. Словно знали, что он может.

– Я ничем не могу помочь, – произнёс граф и отвернулся.

– Уведите его.

Мужчина вскрикнул, но его уже подняли под руки, потащили к выходу. Тяжёлый стук двери отозвался эхом в груди Аарона.

Когда он вернулся в кабинет, тишина дома показалась слишком густой.

Аарон сел за стол, но перо не слушалось. Мысли всё возвращались к тому человеку – мокрому, согорбленному, почти сломанному. К жене, которая, быть может, умирала в эту самую минуту.

И тогда он услышал.

– Простая просьба... – прошелестел голос.

Аарон вздрогнул, вскинул голову.

– Всего одно слово, – прошептало зеркало в углу, тёмное, как пруд в полночь. – И бедный крестьянин не потеряет жену. И дети – мать.

Аарон замер. Горло пересохло.

– Что... я должен сказать? – еле выговорил он.

В зеркале дрогнуло отражение. Словно кто-то другой смотрел на него из глубины.

– Скажи: «Я прошу».

Аарон почувствовал, как внутри что-то сжалось, как будто его тянут в пропасть.

– И... цена? – спросил он почти шёпотом.

В зеркале вспыхнула тень улыбки.

– Цена всегда одна. Но не тебе решать, кому её заплатить.

Он сжал кулаки. Его трясло от ужаса и... от странного чувства, что у него действительно есть власть.

– Я... прошу, – выдохнул Аарон.

В ту же секунду зеркало звякнуло, будто по нему провели пальцем. Звук растёкся по комнате, лёгкий, как ветер в листьях. И стих.

Наутро к воротам снова пришёл тот же крестьянин. Но теперь он плакал от радости, хватал Аарона за руки и благодарил.

– Она встала! Она дышит! Милорд, она улыбается детям! Господь послал нам вас!

Аарон молча смотрел на него, чувствуя, как внутри растёт и холод, и тяжесть. Здесь не было Господа, лишь темная, пока не до конца понятная ему сила.

Когда крестьянин ушёл, в доме долго ещё шептались:

– Зеркала снова слушают.

А ночью Аарону снился другой сон. Он видел чужой дом, грязную кровать, девочку лет десяти. Она кашляла кровью.

И только голос в темноте повторял:

– Цена всегда одна.

Аарон вышел из дома, не чувствуя под собой земли. То, что он только что видел во сне, не укладывалось в голове. Но вместо веры в чудо пришёл страх. Если всё это правда – значит, Спаркс тоже был прав. И единственным выходом оставалось бегство.

Лошади были готовы к выезду, когда Аарон достиг ко-

нюшни. Слуга, удивлённый столь неожиданным приказом, всё же не посмел перечить графу.

– Седлай лошадей, я уезжаю. Немедленно.

– Но куда, милорд? Уже поздно, дорога может быть опасной...

– Седлай, – голос Аарона не терпел возражений, и слуга поспешил исполнить приказ.

Через несколько минут Аарон уже скакал по дороге, ведущей прочь из Шардмура. Ветер хлестал его по лицу, мысли путались, но одно было ясно – он должен уйти, пока этот город, эти зеркала и Спаркс не свели его с ума окончательно.

Дорога вилась вдоль темнеющего леса, где тени деревьев казались живыми, вытягивались и тянулись за ним. Ему казалось, что в тишине ночи он слышал эхо своих собственных мыслей, превращённых в шёпот.

– Не сбежишь... – прошелестело едва различимое.

Аарон резко обернулся, натягивая поводья. Позади – пустая дорога. Только луна холодно освещала её изгибы.

– Бред, – прошептал он, стирая пот со лба. – Просто усталость.

Лошадь, словно чувствуя панику хозяина, металась, переступая копытами, пока Аарон пытался выправить поводья. Но внезапно она испуганно взвилась на дыбы, сбросив его на землю. Аарон упал, ударившись о влажный, покрытый мхом лесной грунт. Воздух вылетел из его лёгких, и он остался лежать, глядя в мрак между деревьями. Лошадь убежала, а

он остался один, окружённый бесконечным лесом. Шорохи раздавались со всех сторон, будто кто-то крался сквозь густую листву. Аарон поднялся на колени, чувствуя, как страх сковывает всё его тело.

– Кто здесь? – сорвался он на крик, хотя голос дрогнул, выдав его растерянность. Ответом ему был тот же шёпот, что он слышал ранее, но теперь он становился громче, наполняя воздух вокруг.

– Ты не уйдёшь... Ты наш...

Тени начали сгущаться. Сначала они были еле заметны, словно игра света и тьмы на ветвях деревьев. Но вскоре они обрели форму – высокие, безликие силуэты, окружившие его кольцом. Аарон судорожно вцепился в землю, чувствуя, как ноги его отказываются двигаться.

– Вы... не настоящие... – прошептал он, но внутри всё твердило, что это ложь. Тени приблизились, тягуче, будто наслаждаясь его ужасом. Они не говорили, но их присутствие было тяжёлым, давящим, будто само лесное пространство стало плотнее. Вдруг одна из теней протянула нечто, напоминающее руку, к его груди. Аарон почувствовал, как холод, обжигающий до самого сердца, пронзает его. Он зажмурился, вскрикнув:

– Я не принадлежу вам!

Но вместо ответа раздался смех. Он был низкий, хриплый, словно доносился из глубин зеркал, что преследовали его. Тени остановились в шаге от него, словно ждали. Одна из

них указала в сторону – туда, где сквозь деревья проглядывал слабый свет.

– Дом ждёт, – прошелестело в голове.

Аарон не помнил, как поднялся. Он шёл, как во сне, ведомый этим светом. Когда он вышел на освещённую поляну, перед ним снова возникли массивные ворота его поместья, высокие и угрожающие. Двери открылись сами собой, впуская его внутрь. Он стоял на пороге, дрожа от усталости и страха.

– Ты – хозяин, – раздался голос из дома. – И ты не бежишь.

Аарон шагнул внутрь, как будто чужая сила вела его за руку. За спиной скрипнули и с грохотом захлопнулись двери, словно город запирали его в ловушке. Стоя на пороге дома, Аарон глубоко вдохнул, словно пытался впитать в себя остатки свободы. Но в этот момент он понял: свободы уже не осталось. Всё вокруг словно шептало о его месте в этой истории, о долге, который он не просил, но не мог отвергнуть.

– Хорошо, – прошептал он, чувствуя, как его голос дрожит, – я останусь. Но я узнаю правду. И если эта правда потребует моей жизни, я буду сражаться за неё, – сбоку послышался тихий шорох, и Аарон вздрогнул, вновь ожидая увидеть призрачные тени, но из коридора вышел дворецкий.

Его крайне встревоженный взгляд прошёлся по графу.

– Милорд, что произошло? Слуги передали, что вы велели седлать лошадь, – Аарон пошатнулся, и ему пришлось ухва-

титься за стену, чтобы сохранить равновесие. Бернард незамедлительно шагнул к хозяину, подхватывая его под руку, – позвольте, я вам помогу, – Аарон прижал ладонь ко лбу, холодный пот стекал по вискам. Его дыхание было рваным, а в ушах стоял тихий шёпот, будто тени из леса следовали за ним и сейчас шептались где-то за дверью.

– Милорд? – осторожный голос Бернарда вернул его в реальность, – Аарон обернулся к дворецкому, который стоял в дверях, напряжённо изучая его состояние.

– Что... ты здесь делаешь? – голос Аарона был хриплым, словно он выговорил эти слова с огромным усилием.

– Я услышал, как вы вошли. Вы... – Бернард заколебался, осматривая хозяина. – Позвольте, я помогу вам добраться до спальни.

– Я справлюсь, – выдохнул Аарон, но его ноги подкосились, и он едва не упал. Дворецкий тут же оказался рядом, подхватывая его под руку.

– Милорд, прошу. Вы не в состоянии стоять.

Аарон не стал сопротивляться. Он позволил Бернарду провести его через коридор, каждый шаг отдавался в голове звоном, словно пол был вымощен стеклом, готовым треснуть. Когда они дошли до спальни, Бернард осторожно усадил его в кресло у камина и присел на одно колено рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.